

Первые вести о судьбе Исаака Когана, после сорокалетнего небытия, донесли до Воронежа ветры хрущевской оттепели. Вести были обескураживающие. Одни говорили, что все эти годы Коган был личным секретарем и телохранителем «второго человека партии» Вячеслава Молотова и покончил с собой после опалы шефа — не смог пережить новые времена. Другие утверждали, что Коган был близким другом сталинского наркома, который исповедовался ему всю жизнь и теперь просто убрал главного свидетеля своих преступлений...

Так или иначе, но после этих слухов фигура руководителя губернской комсомолки 1920-х годов Исаака Когана приобрела еще более таинственный и мифический отблеск.

I

1900-й год. Мир готовился вступить в новый век — век невиданных доселе катаклизмов и потрясений, еще не выдуманных революционных фраз и уже придуманного революционного учения о светлом будущем.

Именно в этот год было суждено родиться Исааку Когану. Он появился на свет апрельским утром в многодетной семье еврея-учителя из маленького литовского городка Науместаса.

Жизнь Исаака сразу же началась с несчастья. Еще в грудном возрасте его уронила старшая сестра и, испугавшись, скрыла это от родителей. Мальчик повредил себе позвоночник и до конца своих дней оставался горбуном.

Первые уроки маленький Исаак получил от старшего брата, который при помощи подзатыльников успешно обучил его арифметике и грамматике. Учение пошло впрок, и когда в 1913 году Коганы переехали в Воронеж, Исаак легко поступил в городское реальное училище в числе пятипроцентников. (В те времена в российские учебные заведения полагалось принимать не более пяти процентов евреев).

Начавшаяся вскоре Первая мировая война отразилась на жизни реального училища. Многие мальчишки мечтали удрать на фронт. Однако довольно быстро патристические настроения у части учеников сменились на революционные. Одним из первых, кто заболел идеями термидора, был Исаак. Это вполне объяснимо. Как пишет историк Р. Медведев, «лишенная многих прав, которыми пользовались в России не только русские, но и другие «инородцы», еврейская молодежь была благодатной средой для революционной агитации. Все оппозиционные партии вербовали здесь своих сторонников». Молодой Коган сделал свой выбор: в 1917 году он вступил в Союз еврейской социалистической молодежи. Через год был образован комсомол. После этого стали ликвидировать все другие юношеские организации. В июне 1919 года на последнем собрании Союза еврейской молодежи после долгих дебатов большая часть присутствующих проголосовала за «соединение с воронежской организацией Коммунистического союза молодежи на правах секции». Среди тех, кто отстаивал это решение и теперь вошел в КСМ, был Коган, а также сыгравшие впоследствии значительную роль в истории воронежского комсомола — И. Кесслер, М. Кац, Вержбловский, В. Каплан, Я. Эпштейн. В комсомол вступили Давид и Ида Коганы, брат и сестра Исаака.

В семье к выбору трех детей отнеслись резко отрицательно. Исааку с братом и сестрой пришлось уйти из дома и дальше жить самостоятельно. Благо, что реальное училище оставалось теперь позади, и в кармане кожаной куртки у Исаака лежал новенький диплом с отличием.

Вскоре, правда, все организационные дела отошли на дальний план. Добровольческая армия генерала Деникина овладела южными районами губернии и приближалась к городу. Коган стал проситься в чоновский отряд. Однако участвовать в боях ему не довелось. Как инвалиду детства ему было отказано в приеме в ЧОН (части особого назначения). Согласно Циркулярному письму ЦК РКП(б) о мобилизации комсомольцев, Когану, с учетом его состояния здоровья, надлежало получить назначение в «части, обслуживающие Красную Армию». Исаак был направлен в штаб Южного фронта. Штаб этот находился в городе Козлове (ныне Мичуринске. — Д.Д.). Там Коган стал политруком эвакуационного госпиталя. Но уже осенью, после того как Красная Армия вошла в Воронеж, его из действующей армии отозвали. Воронежский комсомол был полностью разрушен. Организацию надо было создавать заново. Для этой цели и был срочно вызван в губком партии Коган.

II

Весной 1919 года на VIII съезде партии было принято решение о руководстве РКП(б) Союдами молодежи. После восстановления в Воронеже советской власти губком РКП(б) принялся наводить порядок в губернском молодежном Союзе, исходя при этом из решений партсъезда. Решением бюро губкома партии была образована инициативная группа по восстановлению Союза молодежи. Называлась она губбюро РКСМ. В нее вошли М. Кожевников, Николай Черкасов, С. Пономарев,

Никитин и Александр Тихов. Политическое руководство осуществлял секретарь губкома партии Белов.

Губбюро было наделено большими полномочиями. Например, оно имело право отзываться «особо ценные кадры» из частей Красной Армии, с хозяйственной работы. По разнарядке губбюро как раз и вернулось в Воронеж Исаак Коган.

Образованный и смекалистый Коган был незаменимым работником для секретариата, вскоре после возвращения он и возглавил этот орган. При нем секретариат стал ключевым звеном в организации. Сюда шли все резолюции и тексты выступлений комсомольского актива, здесь же утверждались многие мероприятия. Секретариат отвечал за наглядную агитацию и выпуск страничек «Красной молодежи» в губернской партийной газете.

Коган обладал сильным и упрямым характером. Легенда о нем, как о «Демоне воронежского комсомола», сложилась как раз в первые месяцы его руководства секретариатом губкомом. Мария Степанченко-Полозова, одна из первых комсомолок губернии, так рассказывала о Когане автору этих строк: «Он был какой-то злой и страшный. Я его недолюбливала...» Сын одного из самых близких друзей Когана, воронежский писатель Илья Кесслер, со слов отца вспоминал эпизод, как его отец в те тревожные дни потерял маузер. Коган за это очень сурово наказал его. Думается все же, что рассказы о «злом характере» секретаря губкомом, равно как и легенда о «Демоне» — шли не столько от характера Исаака, сколько от его физического недостатка. Так или иначе, администрированием Коган не занимался. Более того, довольно скоро рекомендовал себя отнюдь не послушным винтиком в партийной машине. Это было сразу подмечено губкомом РКП(б) и высказано Исааку в январе 1920 года при приеме его в партию.

Здесь необходимо сказать, что, по существу, решение VIII съезда партии о работе с молодежью выполнено не было. Союз молодежи оказался не столь послушным. В комсомоле появилось несколько разновидных, оппозиционных партийному решению групп. Напомню лишь об одном оппозиционном крыле, сторонники которого были в воронежском губкомом. В партийных документах той поры оно именуется «юношеским синдикализмом». Идейным руководителем и вдохновителем этой группы был работник ЦК комсомола Владимир Дунаевский. Человек незаурядно умный и блестящих ораторских способностей, он выступал за самостоятельность молодежных организаций, даже за противопоставление союза — партии, местных организаций — ЦК и т. д. Особенно много сторонников у Дунаевского было на периферии, где губкомы, создавая и восстанавливая организацию, были буквально измучены предписаниями и директивами и центра, и губкомов партии.

Один из первых исследователей истории воронежского комсомола В. Анучин, разоблачая «дунаевщину», в своей монографии (1931 г.) пишет, что «главными руководителями оппозиции были работники союза Глеб Попов и Н. Адамов, с кото-

Исаак Коган. 1919

Исаак Коган и Николай Черкасов. 1918

рыми были связаны т. Кесслер и другие активисты». В годы сталинского террора эта строка из книги станет роковой для Кесслера и Адамова (Г. Попов умер в 1920-х годах), которые расплатятся за нее дорогами ГУЛАГа и ссылкой. В действительности ситуация с оппозицией в воронежском губкомоме была несколько иной.

Как руководитель секретариата, непосредственно принимающий все директивы сверху, первым с программой Дунаевского ознакомился Коган. Исаак увидел, что за несколько напыщенными фразами Дунаевского стоит, по существу, право на большую самостоятельность для губкомомла. Именно он, Коган, при поддержке Глеба Попова стал главным сторонником этой программы в Воронеже. (Анучин не упоминает Когана в книге потому, что в начале 30-х годов легенды об Исааке как помощнике Молотова уже дошли до Воронежа: Коган был вне критики). Взгляды их разделяли многие работники губкомомла. Ни о какой фракционной борьбе, естественно, никто здесь, в Воронеже, не помышлял. Просто

было желание поскорее построить «ту хорошую жизнь», которую завоевали как отцы и братья, так и они сами. Самая же четкая и понятная программа для этого была у Дунаевского. Во всяком случае, так казалось в те дни Когану.

В обстановке развернувшейся внутрисююзной борьбы проходил 2-й губернский съезд РКСМ, открывшийся 7 марта 1920 года в здании бывшего окружного суда. Коган выступал на нем с отчетом о работе губбюро. Докладчик подверг критике организаторскую сторону работы губбюро, указал на слабую связь с местами. «Главное внимание сорганизовавшегося после изгнания из Воронежа белых банд губбюро, — говорил Коган, — было обращено на работу в городе. Уезды были забыты». В резолюции по его докладу отмечалось, что работа губбюро РКСМ «вела слабо». На этот раз большинство делегатов пошли за ним.

На съезде было объявлено, что председатель губкомомла Альфред Маккар отзывается из комсомола на партийную работу. Встал вопрос о новом вожаке губернского союза. Кандидатуру Когана выдвинул Наумов, член губкомомла и сотрудник «Воронежской коммуны». Наумов призвал всех к необходимости «правильного распределения опытных работников», из которых «лишь товарищ Коган вполне соответствует посту руководителя союза». Наумова поддержали Глеб Попов, Плетнев, Н. Черкасов — наиболее авторитетные лидеры губкомомла — и Давидович — председатель РКСМ Острогжского уезда. Высказался за Когана и прежний лидер воронежского комсомола Маккар.

Начинать новому руководителю губкомомла предстояло с укрепления рядов воронежского союза молодежи. Прошедший губернский съезд показал, что комсомол в центре ЦЧО не стал массовой организацией. К марту 1920 года в РКСМ вступило 1648 молодых жителей губернии. Численности организации со времени про-

ведения 1-го губернского съезда увеличилась, но не за счет привлечения к работе Союза новых людей, а в основном за счет автоматически приписанных к РКСМ ликвидированных прокоммунистических молодежных организаций. В социальном положении 2-й губернский съезд тоже давал повод для размышлений. Из 47 его делегатов всего четверо были непосредственными представителями пролетариата и крестьянства. Забегая вперед, скажу, что уже к октябрю 1920 года, когда Коган повез губернскую делегацию на III съезд РКСМ, воронежский комсомол насчитывал 7 тысяч членов. За полгода Когану удалось увеличить губернский союз молодежи более чем в четыре раза.

Для такой аграрной губернии, как Воронежская, численность коммунистического союза в годы его формирования во многом зависела от социальных процессов, происходивших в деревне. Специфика губернии способствовала тому, что именно здесь в наиболее полном виде была проведена в свое время столыпинская реформа. В результате этого более 50 процентов пахотных площадей еще до революции занимали самостоятельные крестьянские хозяйства (десятилетие спустя почти все они будут объявлены кулацкими). Грубейшие ошибки, допущенные большевиками в аграрной политике весной 1918 года, классово разделили деревню. Политика продразверстки, выколачивающая хлебные запасы из уездов, оттолкнула от большевиков сельского хозяина. Крестьяне-середняки всячески противились политике продразверстки. Повсеместно стали вспыхивать крестьянские мятежи. В Воронежской губернии наиболее драматическим в этом плане выдался 1920 год. Для ликвидации мятежей были мобилизованы все члены РКСМ.

В 1920—1921 годах на всех заседаниях бюро союза молодежи в качестве главного рассматривался вопрос о борьбе с бандитизмом в уездах. Коган не был ярким сторонником продразверстки. Обладая довольно большой властью, он, согласно предписанию губчека, имел право всех членов губернской комсомольской организации направлять в действующие отряды ЧОНа. Однако этим правом он не спешил пользоваться. По инициативе Когана лишь однажды был создан специальный комсомольский отряд для подавления волнений в южных уездах, где действовали самые крупные в губернии повстанческие формирования во главе с атаманом Иваном Колесниковым. В других же случаях Коган передоверял вопросы борьбы с бандитизмом другим членам бюро губкома, оставляя за собой право решения кадрово-организационных вопросов. В этом плане характерными представляются воспоминания воронежского комсомольца Евгения Алексеевского (впоследствии первого министра мелиорации и водного хозяйства СССР), которые хотя и относятся к более поздним событиям, но достаточно красноречиво показывают степень участия Когана в руководстве уездами: «Вожак воронежской комсомольской организации Коган пользовался у нас большим авторитетом. Он часто бывал на предприятиях, выступал на комсомольских собраниях и перед активом, поэтому каждый из нас знал его. И вот я в кабинете.

— Садись, — пригласил он меня и спросил: — Ты уже несколько месяцев в комсомоле, а что за это время сделал?

— Учусь в политкружке, хожу на собрания, на занятия в ЧОН. — А потом добавил: — Готовлюсь к борьбе за новую жизнь.

— Пора в ней активно участвовать.

— Я готов!

— Читал выступление Ленина о продналоге? Так вот, о значении перехода от политики продразверстки к продналогу говорить не буду, сам знаешь. К тому же, кажется, ты в деревне работал?

— Батрачил, у кулаков на хлеб зарабатывал.

— Вот поэтому мы и решили мобилизовать тебя — надо растолковать крестьянину, что такое продналог.

— А как с учебкой?

— Поработаешь, потом на рабфак пошлем. Лет-то тебе сколько?

— Пятнадцать исполнилось...

— Да-а, не много. Однако ничего не поделаешь — надо. Время ведь такое: кто постарше, из армии еще не вернулся. Поэтому партия и призывает на помощь комсомол.

— Куда надо ехать? — спросил я.

— Завтра приходи к губпродкому, там и решим, в какой уезд поедешь...

Наутро мы в губпродкоме. В кабинете губпродкомиссар и Коган. Нас знакомят. Коган кратко характеризует каждого из нас... Меня назначили помощником волостного налогового инспектора в Старо-Александровскую волость. В губком комсомола получил мандат, паек и оружие».

В этом фрагменте отражена еще одна деталь, характерная для Когана. Как стратег, он, несомненно, понимал, что дело революции, которому он искренне был предан, зависит от подготовки грядущих кадров. Именно Коган отыскал в массе воронежских подростков того же Е. Алексеевского, или Е. Суслина, М. Авербаха и других, ставших позже руководящими партийно-хозяйственными работниками.

Особое внимание Исаак уделял беспризорникам. Эти «гавроши революции» бродили толпами по дорогам губернии, прибываясь к крупным городам и поселкам. Многочисленная армия беспризорников была и в Воронеже. Обитали они в подвалах на окраине города и промышленляли воровством, карточной игрой, спекуляцией. Вопрос о беспризорниках неоднократно выносился Коганом на общее собрание губкомла. Сохранилась записка секретаря членам бюро губкома: «Развившаяся за последнее время в Воронеже детская спекуляция принимает все более широкий характер, а также и то, что вовлеченная в спекуляцию масса детей развращается, остается темной, неученой и начинает презирать труд, являющийся основой общества, и в будущем обещает стать не строителями новой жизни, а тунеядцами, паразитами, что ни в коем случае недопустимо. Считаю необходимым потребовать от местного отдела наробраза и социального обеспечения выделить комиссию с представителями РКСМ для принятия решительных мер к прекращению спекуляции детей и подростков, направляя их в школы и детские дома».

Губком комсомола взял шефство над приютом имени Комиссаржевской. Коган неоднократно бывал там, выступал перед подростками, был ведущим вечеров юного пролетарского творчества.

Вообще идеологическую работу Коган считал неотделимой от культурного образования. Иногда это вызывало недовольство у комсомолии. Считалось, что для культурного просвещения не настало время. Один из его оппонентов прямо полемизировал с Коганом в «Воронежской коммуне»: «Может ли быть сейчас какое-нибудь творчество, кроме пролетарского, и могут ли быть какие-нибудь другие порывы, кроме общего порыва, охватившего весь русский и мировой пролетариат — стремление сбросить наконец владычество капитала? Нет, сейчас не могут быть личные порывы и стремления». Коган же стоял на том, что творчество «играет огромную роль в деле развития инициативы самостоятельности, литературного вкуса и выковку коммунистического мировоззрения членов нашего союза». На III съезде комсомола он яростно полемизировал с украинскими делегатами, поддерживающими махаевскую¹ теорию о недопуске в РКСМ интеллигенции, а возвратившись из Москвы, стал биться за создание в Воронеже еженедельного

---

¹ Антиинтеллектуальная теория, созданная польским анархистом В.К. Махайским. Утверждалось, что рабочий класс эксплуатируется всем «образованным обществом», а особенно интеллигенцией, которая стремится «подчинить себе рабочий класс и жить за его счет».

журнала губкома «Юная гвардия». Организовать журнал тогда не удалось, но целый год в «Воронежской коммуне» отдельной страницей выходил «Вестник губернского и городского комитетов РКСМ». Коган был постоянным его автором.

...В конце сентября 1920 года Воронеж провожал в Москву делегатов на III съезд комсомола. Пассажирские поезда в ту пору ходили редко, часто без расписания, пассажиров в них набиралось много, и если бы не помощь хмурых людей из губчека, не успеть бы воронежским делегатам к открытию съезда. Чекисты грозно прикрикнули на пассажиров, из вагона сразу протянулось несколько рук, и — восемь молодых парней в шинелях оказались в пассажирском купе.

Съезд проходил в здании Коммунистического университета имени Свердлова. На съезде Коган познакомился с Дунаевским. Им удалось побеседовать в перерывах работающего в напряженном ритме съезда. Дунаевский перед этим был исключен из РКП(б) на полгода за партийное непослушание. Однако Оргбюро ЦК, принимая это решение, отметило, что Дунаевский, как «особо ценный работник для молодежного движения», в случае осознания допущенных ошибок будет восстановлен в партии. По личному ходатайству Бухарина, Дунаевский вместе с ним и Л. Шацкиным был включен в состав специальной комиссии, работавшей над программой РКСМ. Именно эту программу и принял III съезд.

Обычно наши знания о том съезде ограничиваются в лучшем случае речью Ленина о задачах союзов молодежи. Однако помимо этого стенограмма съезда представляет собой любопытный документ, отражающий многообразие взглядов на создание в стране молодежной организации. Например, по вопросу о взаимоотношении союза с партией. По этому вопросу съезд высказался определенно. «Российский Коммунистический Союз Молодежи признает программу и тактику РКП и, обсуждая общие вопросы жизни советской республики, подчиняется ее политическим директивам и, работая под ее контролем, является организацией автономной». Так было записано в программе РКСМ. И эта формулировка была произнесена Лениным при ответе на вопросы делегатов.

Проблему, с которой сталкивалась молодежная организация в последнее время, обозначил на съезде Бухарин: «Масса ваших членов застоялась, она требует политической, идейной обработки, она чрезвычайно отстала от своего командного состава... Это обстоятельство находит выражение в одном из проявлений бюрократической болезни вашего союза, в том, что в вашей организации чрезвычайно быстро, с необычайной ловкостью и необычайными способностями перенимаются все атрибуты партийной организации, начиная от машинок, машинисток и кончая соответствующими лозунгами, поведением секретарей, секретарш и т. д. и т. п.» Непомерно разрастающийся аппарат и бюрократизация комсомола волновали Когана с момента избрания его губернским секретарем. Однако ни он, ни поднимавшие по этому поводу тревогу на съезде ораторы не смогли прийти к какому-либо решению. Структура комсомола продолжала бюрократизироваться.

III

III съезд комсомола оказал огромное влияние на секретаря воронежского губкома. Во-первых, Исаак никогда еще не присутствовал на столь крупном политическом форуме, где он был не только слушателем, но и непосредственным участником дискуссий. Во-вторых, Коган, опять же впервые, имел возможность увидеть реально кризисное положение организации в целом. И, наконец, теперь он четко представлял главную задачу, стоящую перед РКСМ: учиться коммунизму.

Вернувшись со съезда, Коган собрал в губкоме активистов:

«В связи с положением республики и Союза перед нами стоят две основные задачи. Первая — усиление работы среди пролетарской молодежи и вовлечение ее в

союз для практической деятельности, и вторая — перенесение центра на внутрисоюзную работу по коммунистическому воспитанию».

Секретарь губкоммола предложил для этой цели направить в уезды членов губкома для инструктирования на местах. Зимой 1921 года в Воронеже было решено провести перерегистрацию членов РКСМ. Высшим органом по ее проведению губком утвердил «тройку». Кроме Когана в нее вошли второй секретарь губкоммола В. Каплан и А. Маккар, которого вновь подключили к работе союза молодежи в условиях реорганизации. Слово «тройка» тогда еще не обрело зловещей окраски конца 30-х годов. Это был оптимальный рабочий орган, взявший на себя колоссальный объем внутрисоюзной работы.

Перерегистрация не означала чистку в рядах РКСМ. Коган, например, считал, что для юношеского движения в губернии чистка — абсурд. Речь шла о перегруппировке состава внутри губернской организации. Все это позволило Когану определить круг новых молодежных лидеров, пользовавшихся авторитетом в низовых ячейках. На некоторых из них секретарь сделал ставку. Так на горизонте политической жизни союза появился молодой рабочий М. Сулковский, ярый сторонник идеи частичной демократизации союзного строительства. Сулковский выдвигал требования о предоставлении возможности местным организациям самим определять свою оргструктуру. По сути это было развитие теории Дунаевского. Коган предоставляет возможность Сулковскому разработать более тщательно основные положения своих требований и сделать содоклад на предстоящем губерньском съезде комсомола.

По тезису Сулковского на съезде разгорелась ожесточенная дискуссия. Всего несколько голосов не хватило, чтобы принять их.

Отчитываясь на съезде о деятельности губкоммола, Коган несколько раз возвращался к тяжелому положению, в котором оказался РКСМ. Ситуация в губернии требовала постоянного отвлечения от внутрисоюзной работы — помощь фронту, участие в продовольственной и посевной кампаниях. В такой ситуации приходилось уповать на разовые мероприятия, устанавливая и укрепляя во время них связь губернского комсомольского центра с уездами и волостями. И эти мероприятия проводились. Коган назвал недели красной молодежи, помощи фронту, неделю ребенка — «кампаниями по ликвидации политбездарности». Но, увлекаясь подобными формами работы, констатировал секретарь, легко противопоставить союз как политическую организацию — союзу как организации воспитательной.

В 1921 году на X съезде РКП(б) был намечен переход от военного коммунизма к нэпу. Комсомол высказался в поддержку политики партии.

Коган принял нэп сразу. Однако его восторг по этому поводу разделили далеко не все руководители губкома. Особенно много возражений новая экономическая политика вызвала в уездных организациях. Так, например, секретарь Калачеевского укома Евсей Суслин, еще недавно командир отряда по борьбе с бандитизмом, забрасывал губком письмами: а не измена ли нэп тому делу, за которое мы проливали кровь? Не менее напряженной оказалась ситуация и в городе. Новая экономическая политика повлекла за собой сокращение молодежи, занятой на производстве. Комсомольские ячейки не могли отстаивать интересы своих членов в создавшейся ситуации. В городе среди рабочей молодежи росло пьянство, спекуляция.

Коган с неистовством и яростью начал бороться против увольнения комсомольцев с предприятий, посылал инспекторов для разъяснения нэпа в села. Нередко выезжал и сам. Однако ситуация продолжала ухудшаться. К 1922 году в губернской организации насчитывалось уже 750 безработных членов РКСМ. Что делать? За ответом на этот вопрос секретарь губкоммола Исаак Коган отправился на IV Все-

российский комсомольский съезд. Там он услышал ответ: «РКСМ необходимо приближаться к партии».

Последний период пребывания Когана в Воронеже характеризуется резким уходом секретаря губкомзела от организационных вопросов к экономическим. Коган штудирует экономические статьи Ленина, Бухарина, Троцкого, Маркса, знакомится с работами Чайнова и Кондрачева. По мере сил старается применять приобретенные знания на практике. Так, для трудоустройства безработных членов РКСМ Исаак добивается через секцию молодежи при губохране труда открытия профтехнических школ. Чтобы вооружить актив элементарными знаниями по экономике, да и самому подучиться, Коган устанавливает тесную связь между губкомзелом и Воронежским сельхозинститутом. Отныне комсомольцы становятся частыми гостями на опытной ботанической станции профессора Келлера, в лабораториях института. В этот период секретарь губкома все чаще приходит к мысли, что у молодежи, к исходу пятого года революции, практически нет организационного умения и знаний. Именно об этом он говорил с трибуны V съезда комсомола: «Если мы крестьянским ячейкам не дадим книжек по сельскохозяйственному образованию, если мы не дадим букваря для ликвидации элементарной безграмотности, если мы не дадим крестьянской газеты... если мы не дадим туда возможности клубной работы и т.д., то наша работа в деревне не сдвинется с места».

17 октября 1922 года закончился V съезд РКСМ. Поезд увозил Когана из столицы в Воронеж. Исаак возвращался в свой город, чтобы подготовить дела к сдаче новому секретарю губкома. Когана ждала Москва. Там, в ЦК комсомола, уже работали его друзья, в том числе и Николай Черкасов. Ушли из губкома Глеб Попов, Кесслер, Плегнев — многие, с кем он начинал восстанавливать союз тяжелой осенью девятнадцатого года. Приходило новое поколение.

Коган оттягивал переезд в Москву. Оттягивал, сколько мог. Все старался передать как можно больше задумок и планов по работе в союзе новому секретарю, тому самому рубахе-парню Евсею Суслину, который все эти дни был тихим и на удивление смущенным. Потом Исаак провел в Воронеже комсомольское празднование пятилетия революции и только после этого уехал. Медлить было уже нельзя. Его ждал ЦК.

Воронежская комсомолька шумно провожала своего вожака. Кто-то кричал вслед уходящему поезду, что будет ждать его возвращения. Но ни он, ни кто другой в эту минуту не знал, что больше в Воронеж Коган не вернется. Никогда в жизни...

IV

Почти ничего не известно о шести месяцах работы Когана в цекамолу. Ни воспоминаний, ни документов по этому поводу не сохранилось.

Известно лишь, что вскоре после приезда в Москву Исаак заразился туберкулезной инфекцией. Болезнь начала быстро прогрессировать. ЦК стал ходатайствовать о временном переводе Когана в Крым, где он смог бы совмещать лечение с комсомольской работой. Последнее обстоятельство было единственным условием со стороны Исаака. Просьба была удовлетворена. Коган получил назначение на пост первого секретаря Крымского обкома РКСМ и отбыл в Симферополь.

Одним из секретарей партийного комитета Крыма в ту пору была Розалия Землячка, та самая, которая вместе с Бела Куном руководила массовыми расстрелами офицеров царской армии в Симферополе. По воспоминаниям очевидцев, Землячка «кичилась своим большим партстажем, умела подлаживаться к руководящим товарищам, зато с младшими обходилась круто и высокомерно, кричала на подчиненных, громко стучала по столу кулаком». По иронии судьбы, именно на

Молодожены Исаак Коган и Любовь Полякова. 1925

прием к Землячке попал прибывший из Москвы новый комсомольский вожак Коган.

В кабинете разразился такой крик, что на него сбежались находившиеся в здании люди. Один из них увел опешившего Исаака к себе. Это был Юрий Гавен, председатель Крымского ЦИКа.

Он выслушал Когана. Помолчал. Затем стал говорить о том, что, конечно, знающие специалисты местному комсомолу ох как нужны, но для начала все-таки надо подлечиться. После этих слов Гавен написал что-то на листе бумаги и, протягивая его Когану, пояснил, что это письмо директору санатория «Золотой пляж»: «Обследуйтесь сначала, пройдите курс лечения, а потом — за работу».

Врачи честно сказали Исааку, что туберкулез находится в запущенном состоянии, а учитывая деформацию позвоночника, болезнь, прогрессируя, может привести к самым тяжелым последствиям. Когану прописали грязелечебные ванны, покой и отдых.

Но какой может быть отдых, когда комсомолия всей страны буквально бурлила планами, когда каждый день рождал массу вопросов внутри молодежного движения! Словом, из санатория Исаак скоро сбежал.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но спасение вдруг пришло с совершенно неожиданной стороны. Грозный комсомольский секретарь, еще недавно сльвиший «Демоном», встретил в Крыму свою первую и единственную любовь. Ее даже так и звали — Люба, Любовь Полякова. Она была из самой обычной семьи, жила с сестрой и мамой и работала на табачной фабрике. Вскоре Коган переехал к Поляковым. Именно Любовь спасла его от болезни. Она заменила ему и покой, и отдых.

В Крыму Исаак продолжал усиленно заниматься экономическими вопросами. Он рискнул поставить работу обкома на научную основу, используя при этом воронежский опыт. Это начинание принесло свои плоды. Очень скоро среди крымской молодежи исчезла безработица, появились молодежные артели на коммунистической основе.

В Крыму же промозглым январским днем 1924 года встретил Коган известие о смерти Ленина. В тот день они долго бродили по улицам с Гавеном, рассказывая друг другу о своих встречах с Ильичем. Гавен хорошо знал Ленина еще с дорево-

люционных времен, Коган же видел вождя революции лишь однажды, на III съезде комсомола. Им было что вспомнить.

В тот вечер Гавен рассказал Исааку историю, которую тот всю последующую жизнь хранил в себе: среди партийцев о ней было принято молчать. История эта касалась брата Ленина, Дмитрия Ильича Ульянова.

Незадолго до приезда Когана в Крым, он ведал здесь всей системой курортов. В этой должности Дмитрий Ильич пристрастился к выпивке. Он буквально забрасывал начальника Ливадийских винных подвалов записками: «Выдать столько-то ящиков вина», «Выдать...», «Выдать...» Пристрастие младшего Ульянова к алкоголю долгое время покрывали местные партийцы. Но однажды и их терпение лопнуло. На очередном партсобрании поведение брата Ленина было осуждено, и Гавен лично снял его с должности...

Эту историю председатель Крымского ЦИКа закончил словами: «Запомни, Исаак, об этом никто не должен знать. Нельзя допустить, чтобы на память об Ильиче упала хотя бы тень подозрения...»

Лечение Когана проходило успешно. К лету 1924 года туберкулезные процессы в организме прекратились. Можно было возвращаться в Москву.

V

В это время в ЦК комсомола произошли существенные перемены. Первым секретарем стал бывший руководитель Закавказского крайкома РКСМ Николай Чаплин. Отношения с Коганом у него не сложились еще в период прежней работы, когда они были соседями. Теперь Чаплин укреплял цекамол своими кадрами. Друзья Когана уже ушли на партийную и хозяйственную работу, сам же Исаак, пробыв год на периферии, как говорится, «выпал из обоймы». В 24 года он оказался не у дел.

Исаак не очень горевал по поводу происходящего. Он вернулся в столицу с любимой женой. Он был счастлив и полон планов. Увлечение экономикой в последнее время предопределило его выбор. В октябре 1924 года Коган поступил на заочное отделение Плехановского института.

Друзья посоветовали ему устроиться на работу в ЦК партии. Аппарат ЦК в это время расширялся и укреплялся, и нужда в грамотных работниках там была острой. Коган прошел собеседование у управделами ЦК и в орготделе, куда он, в конце концов, и был принят рядовым сотрудником.

Новая работа не требовала от Исаака особых усилий. Полдня он проводил теперь в ЦК партии, оформляя доклады и справки, протоколы и выступления членов ЦК. Остальные полдня оставались для учебы и семейных дел. Иногда часть работы удавалось взять на дом.

В апреле 1925 года проходила очередная партконференция. Коган был направлен в состав технической группы для помощи секретариату конференции. В обязанности Исаака входила литературная правка стенограммы выступления ораторов. Для него это была несложная работа. По всей видимости, он успешно с ней справился, коль скоро его усердие и прилежность обратили на себя внимание второго секретаря ЦК В. Молотова, возглавлявшего секретариат конференции. Именно по распоряжению Молотова Коган сразу же после закрытия малого партийного форума получил должность заместителя секретаря агитпропа ЦК.

Отдел агитпропа занимался вопросами научного освещения марксизма. Работали здесь, как правило, молодые выпускники коммунистического университета имени Свердлова. Возглавлял агитпроп Сергей Сырцов, человек в партии известный, несмотря на относительно молодой возраст. Сырцов по должности входил в оргбюро ЦК, которым руководил Молотов.

Коган идеально подходил для работы с Сырцовым. Последний был из той плеяды партийцев, которых породила революция. Он занимал довольно большой пост в Донбюро во время гражданской войны. Он был одним из проводников политики «расказаживания». Именно тогда на него обратил внимание Сталин. Ко времени прихода Когана в агитпроп Сырцов входил в узкий круг проверенных лиц, которые подбирали и распределяли партийные кадры, планируя гарантированное большинство Сталину на ближайшем съезде партии. Однако Сырцову, как человеку не слишком образованному, нужен был верный помощник в теоретических вопросах. Таким человеком и стал Исаак Коган. В руководстве работой отдела они идеально дополняли друг друга: смелый, решительный Сырцов и эрудированный Коган.

Когда в 1926 году Сырцов был переведен секретарем Сибкрайкома партии, его место занял по праву Коган. В этой должности Исаак руководил работой секретариата на двух партийных съездах, сыгравших значительную роль в истории партии и страны — XV и XVI. Он хорошо знал партийные интриги внутри Политбюро, многие секретные документы проходили через его руки. Некоторое время он пользовался особым расположением и доверием Молотова. Это обеспечило Когану авторитет в аппарате ЦК. Любопытная деталь: именно при Когане в аппарате агитпропа начинал свою карьеру будущий секретарь ЦК партии Г. Маленков, который на первых порах льстил Исааку, всячески заискивал перед ним, стараясь угодить.

В мае 1929 года, после пятилетнего пребывания на посту председателя Совнаркома РСФСР, перестал быть главой российского правительства А. Рыков. Поводом для этого послужило его выступление на XIV Всероссийском съезде Советов, где Рыков предложил осуществить «принцип децентрализации управления в целях значительной разгрузки центральных органов от оперативных функций и усиления планирующей и регулирующей работы этих органов». Принцип децентрализации шел вразрез с планами Сталина и, естественно, не мог быть им принят. Сталинское большинство в Политбюро (при самом активном участии секретариата Молотова) моментально решило отстранить Рыкова с поста главы правительства республики, назначив на это место спешно отозванного из Сибири Сырцова. Единственным условием последнего было то, чтобы его заместителем вновь стал Коган. Условие было принято.

Через несколько часов на сессии только что избранного ВЦИКа Российской Федерации М. Калинин сообщил о новом председателе российского правительства и его заместителе.

Однако вторым человеком в республиканском Совнаркоме Когану удалось побыть чуть меньше года. Возвратившись в Москву из провинции, Сырцов не собирался продолжать исполнять роль «послушной игрушки» в руках Сталина. Напротив, он приехал с твердым намерением сместить Сталина. Именно Сырцов возглавил первую антисталинскую группу внутри партии. Заручившись поддержкой члена ЦК В. Ломинадзе, одного из бывших комсомольских вождей Л. Шацкина (его Исаак не только прекрасно знал, но даже был с ним дружен) и ряда местных партийных секретарей, Сырцов стал выступать против единоначалия в партии, против сталинской экономической политики. Группа Сырцова выпустила обращение, критиковавшее режим «за экономический авантюризм, за удушение рабочей инициативы, за хамское обращение партии с людьми». Успехи соцстроительства назывались в нем «очковтирательством», а промышленный гигант пятилетки Сталинградский тракторный завод именовался «потемкинской деревней».

Сталин узнал о планах группы Сырцова до того, как она решила выступить открыто. Все ее участники, включая руководителя, были сняты с постов и исключены из партии.

Доказать принадлежность Когана к сырцовской оппозиции не удалось. Однако о его дружбе с бывшим председателем Совнаркома РСФСР в Кремле не забыли. Отыные путь на вершину партийного Олимпа был для Когана закрыт.

Два месяца Исаак оставался без работы. Все это время шла проверка связей группы Сырцова, по всей стране партийные комитеты гневно клеймили «оппортунистов-двурушников право-левацкого блока Сырцова». И Коган жил в непрерывном ожидании кары. Однако никаких улик против него обнаружено не было.

Думаю, что Исаак Коган все-таки участвовал в сырцовском заговоре. Слишком много его друзей объединились в оппозицию. Без сомнения, полный список группы так и не был обнаружен, а заставить лидеров группы публично назвать всех своих сторонников не представлялось возможным. В 1930 году ОГПУ еще не подвергало пыткам партийных функционеров.

Так или иначе, Коган в партии остался. А в феврале 1931 года получил новое назначение. Он стал заместителем начальника управления кадров ОГИЗа. Это было явное понижение.

В начале 1930-х годов в основном стараниями М. Горького к книгоиздательскому делу в стране были привлечены многие опальные руководители. Так, Лев Каменев возглавлял крупнейшее издательство «Академия», главным редактором Соцэкгиза был назначен бухаринский ученик, заведующий кафедрой философии в Институте красной профессуры Иван Жиров...

Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) было самым молодым в системе книгопроизводства республики. Создано оно было в 1930 году при Наркомпросе РСФСР. Исаак Коган, работая в Совнаркоме, непосредственно участвовал в обсуждении принципов работы будущего ОГИЗа, где теперь ему суждено было найти приют. ОГИЗ представлял собой крупнейшее объединение, собравшее под своей вывеской ряд мощных типографских издательств, образованных в результате слияния отраслевых издательств с соответствующими отделами Госиздата.

Внешне жизнь Когана почти не переменилась. Его семья по-прежнему жила в гостинице «Метрополь», где им выделили комнатку. У Исаака и Любви появился сын. Судьба его будет трагичной: он скончается в санатории. Родителям будет объявлено, что причиной смерти младенца послужило измельченное стекло, которое повар-вредитель добавлял в пищу отдыхающих. Смерть сына будет тяжелым ударом для Коганов.

Работа в ОГИЗе мало походила на прежнюю работу Когана. Подбирать кадры для издательства было значительно проще, чем руководить секретариатом Совнаркома. У Исаака появилось много времени, которое он не знал, как использовать. Угнетала и недавняя гибель сына. Исаак понял, что оставаться в Москве он больше не может.

Коган обращается в Наркоминдел с просьбой направить его на работу за границу. Просьба была удовлетворена. Исаака откомандировали в Германию и назначили там директором Лейпцигского отделения внешней торговли по экспорту нефтепродуктов. Пришлось срочно освежать в памяти знания по коммерческо-экономической деятельности. Перед отбытием в Германию Коган прослушал курс лекций, пообщался с практиками...

В Лейпциге Коганы поселились на тихой улочке. У Исаака обострились боли в желудке, и некоторое время он был вновь под наблюдением врачей. В этой связи вспоминается один забавный случай, который часто рассказывали в семье Коганов.

Врачи предписали Исааку каждое утро пить сливки. Их покупала жена у продавца в доме напротив. А вот достать сметану той весной в Лейпциге было практически невозможно. Приходилось обегать множество лавок и возвращаться домой

с пустыми руками. Но при этом каждое утро хозяйка дома выливала в отходы вчерашние сливки как испортившиеся, не подозревая, что это уже и была сметана! И Люба, и Исаак были городскими людьми — многие элементарные вещи из крестьянского быта были им неведомы.

В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер. А в следующем, 1934-м, было обновлено руководство советского полпредства в этой стране. Послом СССР в Германии был назначен Я. Суриц, а торгпредом Д. Канделаки. Последний был непосредственным руководителем Когана.

Канделаки понравилось состояние дел в ведомстве Исаака, который к тому времени уже перебрался из Лейпцига в Берлин. Новый торгпред, в отличие от тогдашнего наркома М. Литвинова, стоял за развитие тесного экономического сотрудничества с Гитлером. Экспорту нефтепродуктов в этих планах отводилось значительное место. Канделаки согласовал с Москвой назначение Когана коммерческим директором всего правления по экспорту нефти.

Однако, несмотря на повышение, работать Когану приходилось все труднее и труднее. Как писал в те дни полпред Суриц наркому Литвинову: «Все мои общения с немцами лишь укрепили уже раньше сложившееся у меня убеждение, что взятый Гитлером курс против нас остается неизменным и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится. Все мои собеседники в этом отношении единодушны. У Гитлера имеются три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс».

Поскольку два из трех пунктов помешательства фюрера имели прямое отношение к Когану, вполне понятно, что пребывание последнего в Германии с каждым днем осложнялось. Канделаки, по указанию Молотова, стал привлекать Когана к подготовке тайных переговоров с финансистом нацистской партии, банкиром Я. Шахтом и одним из лидеров этой партии Г. Герингом. Однако непосредственно в переговорах Коган не участвовал. Вскоре из Германии стали отзывать все евреи, работавшие в системе полпредства. По отношению к Когану была предпринята провокация с разыгрыванием автодорожной аварии, и коммерческий директор правления нефтебизнеса в течение двадцати четырех часов покинул Берлин.

И все же Коган возвращался в СССР с радостным чувством. За три с половиной года он соскучился по Москве. Кроме того, в Германии в его семье произошло знаменательное событие. У него родилась дочь Валентина. Долгожданный ребенок был окружен заботой и лаской счастливых родителей, которые баловали ее неизменно.

В Москве Когана ждала новая роскошная квартира на Покровском бульваре. Дом, в котором она находилась, строился по спецзаказу ЦК партии, внутреннюю планировку квартир и комнат делали для руководящей элиты.

Какое-то время Исаак Ефимович проработал во Всесоюзном импортно-экспортном объединении «Международная книга». А в январе 1936 года вышло решение ЦК ВКП(б) об укреплении советской кинематографии руководящими партийными кадрами, и Коган был назначен заместителем начальника Главного управления по производству художественных фильмов. Среди его новых друзей — известные артисты, режиссеры, операторы. В доме Коганов бывают Сергей Юткевич, Петр Алейников, Ляля Черная... Исаак поступает во ВГИК, на заочное отделение.

В июле 1936 года по решению ЦК ВЛКСМ организуется киностудия «Союздетфильм». Коган назначается директором нового кинообъединения. Один из патриархов отечественного операторского искусства, проработавший на киностудии имени М. Горького (бывший «Союздетфильм») со дня ее основания, Николай Озорнов вспоминал о Когане, как об «умелом и знающем директоре, который сумел за

короткий срок вывести «Союздетфильм» в число лучших киностудий страны». Именно Коган привлек к работе в «Союздетфильме» таких мастеров кино, как А. Роу, И. Иванов-Вано, Г. Милляр и других.

— Летом 1937 года, — рассказывал мне в конце 1980-х Николай Давыдович Озорнов, — мы с творческой группой уехали в Одессу на съемки фильма «Белеет парус одинокий». Исаак Ефимович был одним из авторов замысла создания этой картины. Впрочем, как практически всех лент «Союздетфильма» в те годы. Коган провожал нас, говорил, что будет ждать хороших известий из Одессы. А когда мы вернулись в Москву осенью, его уже не было. Он исчез, как исчезали в то время многие. Исчез на долгие годы...

Арестовали Когана в августе 1937 года. Накануне ареста он встретил друга своей комсомольской юности Николая Черкасова. Они вспомнили о Воронеже, об их родном губкомоле, а через несколько дней за Коганом пришли. Вскоре был арестован и Черкасов.

Поводом для ареста Когана послужила анонимка, в которой утверждалось, что в конце 20-х годов он был участником нелегального троцкистского съезда. То, что подобного съезда вообще никогда не существовало в природе, никого не интересовало. Когана исключили из партии, сняли с работы и отправили в ссылку в далекую Сибирь.

Многие вчерашние друзья отвернулись от него. Но были и те, кто всячески поддерживал его семью в те дни. К примеру, Сергей Юткевич, Ляля Черная со своим мужем, актером МХАТа Михаилом Яншиным по очереди убеждали Коганов оставить в Москве всеобщую любимицу, маленькую Валю. Оставить на их попечение. Ведь девочке в Сибири будет нелегко.

Коганы отказались. Они решили ехать в ссылку вместе.

V

Село Тевриз Омской области. Пятьсот километров от железной дороги. Тайга. Сюда был доставлен ссыльный Исаак Коган с женой и четырехлетней дочерью.

Устроиться на работу было невозможно: политическим ссыльным отказывали везде. Каждую неделю необходимо было преодолевать несколько километров до районного управления НКВД. Там постоянно велся учет ссыльных, которых в Тевризе было много. Жили они сплоченно и дружно. Особенно близкие отношения у Коганов установились с семьями Н. Арутюняна и К. Сидорова, историка, выпускника ИКП.

Чтобы перезимовать и не умереть с голода, Коганы обменивали в соседних татарских деревнях вещи, купленные еще в Германии. К весне в Тевриз приехал директор соседнего льнозавода. Руководителем он был никудышным, все дело на заводе развалилось. Чтобы как-то поправить положение, ему нужен был человек, разбирающийся в экономике. Этот директор где-то прослышал, что один из ссыльных по фамилии Коган имел диплом Плехановского института. И теперь директор хотел проверить: так ли это на самом деле.

После этого Исаак Ефимович стал бухгалтером на льнозаводе.

До завода можно было добраться, пройдя несколько километров по лесу. Но дорога эта была для него не в тягость. Он стосковался по реальному делу, и теперь с головой уходил в работу: разрабатывал новые планы, пытался внедрить передовую технологию, словом, фактически выполнял обязанности директора.

Через три года завод вышел на первое место по области. О ссыльном Когане заговорили как о знающем и умелом руководителе. После этого в Тевриз приехал директор крупного маслозавода Бушин — личность в тех краях довольно известная. Он стал приглашать Когана к себе на завод. К тому времени семья Исаака

Ефимовича снимала маленькую комнату в крестьянском доме. Бушин пообещал им квартиру и, когда Коган принял предложение, — обещание свое выполнил. Теперь у них было собственное жилье. Оставшиеся вещи выменяли на корову и стали обзаводиться хозяйством. К весне из Москвы брат Когана прислал в Тевриз посылку с семенами овощей, неизвестных в тех краях — фасоли, кабачков, кукурузы. Исаак Ефимович соорудил теплицу. Урожай выдался богатый. Новые культуры понравились селянам, и отныне «столичные» овощи стали выращивать уже во многих дворах.

В 1940 году пошла в школу дочь.хлопот в семье прибавилось. Наконец-то смогла устроиться на работу жена. Со временем селяне стали уважать ссыльных. Они учили их детей, помогали пережить болезни и голод.

По-иному складывались отношения с местным партруководством, неприязнь которого к высланным распространялась даже на детей последних. Дети ссыльных не имели права дружить с детьми ответственных работников. Впрочем, со временем и эта неприязнь исчезла.

Начальником районного управления НКВД был человек по фамилии Сафонов. Однажды, когда Коган пришел в управление отмечаться в очередной раз, этот Сафонов увидел у него красивую немецкую зажигалку. Коган подарил ее ему, после чего они подружились. А потом выяснилось, что их дети учатся в одном классе и тоже дружат. Сафонов стал бывать в доме Коганов. Они часто засиживались допоздна, разговаривая на самые различные темы. Как вспоминала дочь Когана, Валентина Исааковна, были и разные политические разговоры. В 1945 году Сафонов сказал Когану: «Знаешь, Исаак, я тебя отпускаю. Поезжай в Москву, дойди до товарища Сталина, расскажи ему все. Тебя обязательно должны отпустить». И Коган уехал. Со стороны Сафонова это был смелый поступок. По инструкции больше чем на сутки ссыльные не имели права отсутствовать на месте поселения.

Исаак Ефимович вернулся только через три месяца. Вернулся грустным и постаревшим. И на все вопросы безысходно махал рукой.

После его возвращения Сафонов ушел из органов. А вскоре погиб, бросившись с парохода в ледяную воду...

Всякие люди встречались Когану в ссылке. И как говорила его дочь, выжили они потому, что таких, как Сафонов, было все же больше...

В 1948 году многих ссыльных начали отпускать. Ждал освобождения и Исаак Ефимович. Но вместо этого последовал приказ, предписывающий ему срочно, в течение суток, покинуть Тевриз и следовать к новому месту поселения, на сей раз в Казахстан. Там его арестовали вторично и продержали несколько дней в камере. После этого ссылка для уже немолодого и больного человека продолжалась.

Так было до самого 5 марта 1953 года. В этот день умер Сталин. Вскоре Исааку Ефимовичу разрешили перебраться в областной центр, а потом пришла долгожданная реабилитация. После восемнадцати лет мучений он смог вернуться в Москву, на родную киностудию. Коган стал заведующим отделом дублированных фильмов.

За что ему выпали эти восемнадцать лет ссылки? Этот вопрос волновал Исаака Ефимовича в последние годы жизни постоянно. А когда его восстанавливали в партии, то дали прочесть тот роковой донос. Коган до самой старости обладал удивительной способностью с точностью фиксировать в памяти даты и цифры. Когда он прочел анонимку, то молча вышел из райкома партии и направился... в Ленинскую библиотеку. Поднявшись наверх, попросил старую подшивку «Правды». И там, в пожелтевшей газете, освещающей один из сталинских съездов, Исаак Ефимович обнаружил фотографию президиума и секретариата партийного форума.

На снимке в секретариате сидел молодой Коган. Дата, стоявшая на газете, совпала с датой, которую как день заседания троцкистского съезда указывал анонимщик.

Исаак Ефимович спустился к директору «Ленинки». Он умолял его дать на час этот номер газеты. Взамен оставлял все ценные вещи, документы и даже новенький, только что выданный партбилет. Директор поверил ему. Номер газеты вынули из подшивки.

С этой «Правдой» Коган пошел в райком. Там он сказал: «Как я мог быть на троцкистском съезде, если в этот день я был вот где. Смотрите: съезд партии, вот я на фотографии, а вот — в списках секретариата!»

Ему снисходительно улыбнулись...

1 июня 1956 года остановилось сердце Исаака Когана, «Демона» воронежского губкоммола, сталинского политссыльного. Через сорок дней не стало и его жены, делившей с ним печали и радости. А невероятные слухи о его судьбе жили в наших местах еще долго.

